

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧАСТНЫХ ТИПОГРАФИЙ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

*Работа представлена кафедрой теории права и гражданско-правового образования.
Научный руководитель - доктор юридических наук, профессор Н. С. Нижник*

Весь период правления Елизаветы был подготовительным периодом к созданию в России интеллектуальной элиты. Этому во многом способствовала просветительская научная деятельность Академии наук, а с 1755 г. к ней присоединилось еще более мощное влияние вновь возникшего Московского университета.

В конце царствования Елизаветы потребность в книгах была настолько велика, что значительно превышала возможности казенных типографий по книгопечатанию. Помимо академической книжной лавки, начали открываться частные, владельцы которых выступили в качестве комиссионеров по отношению к Академии наук и Московскому университету. Также следует отметить, что они выписывали и продавали заграничные книги в большом количестве. Причем эти произведения были в основном на француз-

ском языке: труды Вольтера, Дидро, Руссо и т. д. Популярность этих произведений обусловила возникновение в 1767 г. в Москве общества для перевода статей из энциклопедии, состоявшего из известных специалистов-переводчиков и профессоров. Однако естественные процессы, связанные с развитием общественной мысли на определенном этапе, вынудили уже Екатерину II и правительство предпринимать в отношении интеллигенции ограничительные и даже репрессивные меры. Этому способствовала и Французская революция, наглядно продемонстрировавшая правящим элитам последствия раскрепощения общественного сознания.

В конце XVIII в. ситуация в России обострилась настолько, что, по свидетельству очевидцев, каждый человек, имевший дело с книгами, в силу одного этого факта уже казался подозрительным и опасным.

Такие же противоположные процессы наблюдались и в истории прессы в России в период с 1762 по 1802 г. С восшествием на престол Екатерины II пресса вступила в новый этап своего развития: вместе с развитием мысли в обществе она перешла из официальных сфер в частные. При этом до определенных пор она практически не подвергалась какому-либо контролю.

В первые девять лет царствования Екатерины II как пресса, так и цензура оставались в том же состоянии, что и при Елизавете. Разница заключалась только в том, что в Санкт-Петербурге значительно уменьшилось количество издаваемых периодических изданий; после 1764 г., когда прекратился выпуск «Ежемесячных сочинений», остались только «Санкт-Петербургские ведомости». Так продолжалось до 1768 г. Журналистика в это время особенно развивалась и процветала в Москве. Все издания группировались вокруг Университета, в котором служили такие известные ученые, как М. М. Херасков, И. Ф. Богданович, и где учился В. Д. Санковский и печатались в университетской типографии под наблюдением кого-либо из профессоров. Что касается правительства, то уже на второй год царствования Екатерины II, оно озаботилось надзором за выпиской иностранных книг из-за границы, и 6 сентября 1763 г. был издан императорский указ следующего содержания: «Слышно, что в Академии наук продаются такие книги, которые против закона, доброго нрава, нас самих и российской нации, которые во всем свете запрещены, как, например, Руссо, Мемории Пегра III, Письма жидовские по-французскому и много других подобных. А у вольных здешнего и московских городов книгопродавцев, думать надобно, что еще более есть таких книг, которые служат к преобращению нравов, по той причине, что оные лавки не под чьим ведомством не состоят. И тако надлежит приказать накрепчайшим образом Академии наук иметь смотрение, дабы в ее книжной лавке такие не порядки не происходили, а прочим книгопродавцам приказать ежегодно реестры посылать в Академию наук

и Университет московский, какие книги они намерены выписывать, а оным местам вычеркивать в тех реестрах такие книги, которые против закона, доброго нрава и нас. А если после того сыщется преступник сему в продаже таких книг, то конфисковать всю лавку и продать на счет сиропитательного дома; впрочем, дозволяется Сенату придумать, что за лучшее рассудится к исполнению сего. А в Остзейских местах, где публичных училищ нет, там препоручить смотрение над оным градским начальникам, если о сем в тех местах еще установления нет; а где есть училища, те могут поступать так, как Академии и Университету предписано. Екатерина»¹.

Данный указ свидетельствует о двух примечательных моментах: во-первых, он показал, что увлечение умственным движением Европы было достаточно распространено и сильно уже в 60-е гг. XVIII в. Во-вторых, видно, что при всей заботе Екатерины II о просвещении в обществе, она отдавала себе отчет в том, что некоторые процессы могут принести известный вред существующей власти и ей лично. Так, она резко отличала Вольтера, с которым вела переписку, от Руссо, сочинения которого относилась к числу вредных книг.

Затем, 1 марта 1771 г., был издан указ, открывший новую страницу в судьбе творческой деятельности в России. Этим указом иностранному издателю Иоганну Михелю Гартунгу было разрешено завести в Санкт-Петербурге первую вольную типографию и словолитню для печатания. Впрочем, ему разрешали печатать только иностранные книги: «1. В оной типографии печатать ему на собственном своем и чужом иждивении, книги и прочие сочинения на всех иностранных языках, кроме российского; однакож такие, кои не предосудительны ни христианским законам, ни правительству, ниже добронравию. Чего ради ему, Гартунгу, все то, что только в его типографии в печати от кого принесено или самим им из чужих краев выписано будет, наперед, не приступая к печати, объявлять для свидетельства в Академию наук, и что дозволено будет, то и печатать,

означивая на каждом экземпляре так: «Печатано в вольной Гартунговой типографии». 2. Дозволяется ему также печатать в своей типографии и объявления всякие, но оные, однакоже, не инако, как с дозволения полиции. Напротиву же того: 3. На российском языке никаких книг, ни сочинений не печатать, дабы прочим казенным типографиям в доходах их подрыву не было, также и на иностранных языках без свидетельства Академии наук и без ведома полиции отнюдь ничего не печатать, под опасением конфискации и лишения сего дозволения. 4. Б словолитной при его типографии, всякие литеры, как российские, так и иностранные лить, и в России продавать свободно во все казенные типографии, а не кроме сих мест, да и то в одни только те, кои требовать оных по своей надобности и по лучшей работе литер будут, и в цене добровольно согласятся; в противном же случае не возбраняется всякой типографии литеры для себя выписывать и из иностранных мест. 5. Сие, данное ему позволение, касательно до заведения здесь вольной, печатания иностранных книг типографии и при ней словолитной, не только для самого его, просителя Иоганна Михеля Гартунга, но и для собственных его наследников служит, токмо не может препятствовать другим в заведении, во всякое время, таковых же частных типографий, а оставляется каждому воля равномерно приобретать право, как сим его Императорского Величества указом и самому ему, Гартунгу, дано»².

Этот указ, помимо прочего, примечателен тем, что правительство, предоставляя Гартунгу право вольного книгопечатания, не превращало это право в монополию. Очевидно, в те годы предполагали дальнейшее развитие этого направления. Но в то же время в ограничении права Гартунга печатать только иностранные книги, видны опасения, связанные с возможной конкуренцией и боязнью уменьшения доходов казенных типографий.

Следует обратить внимание на Сенатский указ от 22 августа 1776 г. «О дозволении книгопродавцам Вейтбрехту и Шнору завести собственную Типографию»³. В со-

ответствии с этим документом Вейтбрехту и Шнору было дано право завести новую вольную типографию для печатания уже не одних иностранных книг, но и книг на русском языке. Причем было оговорено право «также и литеры лить для своей типографии и других, но российских литер, выливаемых в их типографии, какого бы они ни были сорта, ни под каким видом на продажу партикулярным людям не отпускать, и литер, кроме словолитной, при типографии находящейся, в особых или партикулярных домах не отливать и не делать»⁴.

Заведение этих первых вольных типографий привело и к развитию ограничительных мер, которые до того времени в условиях существования одних казенных типографий были абсолютно лишними. Так, например, за типографиями был установлен надзор, который осуществляли специально назначенные на должность смотрители от Синода и Академии наук, «кои обязаны смотреть, чтобы в печатаемых книгах и прочих сочинениях ничего противного, а особливо закону (Божию), правительству и благопристойности не было» (Указ 1780 г.)⁵.

Наконец, 15 января 1783 г. был издан именным указ Сенату «О позволении во всех городах и столицах заводить Типографии и печатать книги на Российском и Иностранных языках, с освидетельствованием оных от Управы Благочиния»⁶. В соответствии с этим документом предоставлялась полная свобода в организации вольных типографий любым лицам и в любой местности. Но вместе с тем этот указ подчинял светскую печать уже не одним духовным и ученым ведомствам (Синоду, Академии наук и Университету), но и полиции: «Всемиловнейше повелеваем типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий, и вследствие того позволяем, как в обеих Столицах Наших, так и во всех городах Империи Нашей, каждому заводить типографии, не требуя ни от кого дозволения, а только давая знать о заведении таковом Управе Благочиния того города, где он ту типографию иметь хочет. В сих типографиях печатают книги на россий-

ском и иностранных языках, не исключая и восточных, с наблюдением, однакож, чтобы ничего в них, противного законам Божьим, гражданским, или же к явным соблазнам клонящегося, издаваемо не было; чего ради от Управы Благочиния отдаваемые в печать книги свидетельствовать и ежели что в них противное Нашему предписанию явится, запрещать; а в случае самовольного напечатывания таковых соблазнительных книг, не только книг конфисковать, но и о виновных в подобном самовольном издании недозволенных книг, сообщать, куда надлежит, дабы оные за преступление законно наказаны были»⁷.

Данный указ представляется неоднозначным в силу содержащихся в нем противоречий: с одной стороны, им уничтожалась казенная монополия на книгоиздание, и пресса полностью передавалась в руки общества; с другой стороны, этот же указ отдавал эту прессу под бесконтрольную власть полиции. Он не сопровождался никакими дополнительными инструкциями, правилами и т. п. Соответственно, любой сотрудник Управы Благочиния или полиции мог и должен был действовать по своему собственному усмотрению. В результате недовольны оказались все: и писатели, и правительство. Нелепость этой ситуации обрисована и в произведении А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Однако, будучи внимательной к различного рода мелочам, полицейская цензура обнаруживала некомпетентность в вопросах содержания и истинного смысла книг. И за все действие указа 1783 г. не встречается ни одного запрещения книги непосредственно полицейскими цензорами. Все преследования авторов и конфискация книг осуществлялась по указанию сверху. И эти указания распространялись в основном на книги, уже одобренные цензурой и выпущенные в обращение. В то же время надзор за типографиями и книжными лавками был настолько плохо организован, что многие книги издавались и затем распространялись в обход любой цензурной инстанции. При этом издатели

порой даже не обозначали на заглавном листе обязательную надпись: «Печатано с указного дозволения», а ограничивались обозначением типографии и года издания.

Такую слабость контроля можно объяснить только тем, что этот период был кульминационным моментом либерализма екатерининского времени.

Естественно, что при таком оживлении и развитии интеллигентского общества и правового регулирования издательской деятельности рост вольных типографий был буквально стремительным. В Санкт-Петербурге и Москве их начало открываться очень много. Многие, впрочем, быстро становились банкротами и закрывались. Наибольшую известность приобрели типографии М. П. Пономарева, А. Г. Решетникова и С. И. Селиванского в Санкт-Петербурге, а в Москве - И. Е. Зеленникова, П. В. Анненкова и пр.

Типографии также начали открываться и в провинциальных городах и даже селах. Так, например, известны были типографии бригадира Ивана Рахманинова в Тамбовской губернии Лебедянского уезда, в селе Казинке; гвардии прапорщика Николая Струйского - в Пензенской губернии Инсарского уезда, в селе Рузеевке и т. д.

Важнейшую роль в русском общественно-литературном движении второй половины XVIII в. сыграла деятельность Николая Ивановича Новикова - выдающегося писателя-просветителя, журналиста и книгоиздателя.

С появлением частных типографий в столицах и провинции значительно возросло число издаваемых книг. В 1762 г. было выпущено 95 названий, а в 1786-1790 гг. выходит по 350-400 книг в год.

Несмотря на то, что в XVIII в. типографии были открыты в 17 губернских городах, книги издавались только в 12. Всего в XVIII в. в русской провинции было выпущено 237 книг (в 1784-1785 гг. - 14, в 1786-1790 гг. - 38, в 1791-1795 гг. - 105, в 1796-1800 гг. - 80). Если в последние пятнадцать лет XVIII в. во всей России выпускалось ежегодно по 366, 299 и 233 книги, то в русской провин-

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ции выпускалось по 8, 21 и 16 книг. Из 15 городов выпущено больше чем 20 книг только в 5 городах (Калуга - 31, Тамбов - 27, Курск - 26, Владимир - 24, Смоленск - 23), в 6 городах по 10-20 книг, в Перми всего 2 и еще в 4 городах по 2-5 книг.

Выпущенные 237 книг включали 145 оригинальных, 78 переводных, 3 на армянском, 2 на латинском языке, 9 периодических изданий.

В числе оригинальных произведений большое место (до 40%) занимали разного рода речи, оды, поучения, произносимые духовными лицами на религиозно-нравственные темы, связанные порою с событиями государственного значения. До 25% изданий посвящены истории, географии, юридическим, медицинским, естественнонаучным, техническим вопросам. Часть из них представляла оригинальные труды, некоторые были компиляциями отечественных и зарубежных сочинений.

Несколько меньшее место (около 20%) занимала художественная литература - небольшие по объему сочинения местных авторов, повести, стихотворения, драмы, комедии, несколько опер. Около 10% составляли служебные издания, воинские уставы, перечни, выпущенных книг.

Итак, видно, что законодатель поначалу стремился развивать и поощрять частное книгоиздание, обеспечивая его необходимой нормативно-правовой базой. Этот процесс, в свою очередь, привел, во-первых, к росту интереса к науке и образованию в обществе, а во-вторых, явился одной из предпосылок к созданию в России в данной области законодательного уровня, близкого к уровню таких государств, как Англия, Германия, Франция и т.д. И несмотря на то, что уже при Екатерине II частные типографии были запрещены, опыт их учреждения оказался полезен, когда в начале XIX в. они были разрешены вновь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сборник русского исторического общества. СПб., 1898. Т. 7. С. 278.

² Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е] (далее - ПСЗ) Т. XIX. СПб., 1830. № 13572, С. 230.

³ ПСЗ. Т. XX. № 14495, С. 405.

⁴ *Скабичевский А. М.* Очерки истории русской цензуры (1700-1863). СПб., 1892. С. 167.

⁵ ПСЗ. Т. XX., № 14495. С. 405.

⁶ ПСЗ. Т. XXI., № 15634. С. 792.

⁷ Сборник постановлений о цензуре. СПб., 1884. С. 126.